
ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

А.М. МАЛЬЦЕВ*

АМОРФНАЯ «ЖЕСТКАЯ СИЛА»? ПОДХОДЫ К РЕКОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ЭМПИРИЧЕСКОМУ ИЗМЕРЕНИЮ ВОЕННОЙ МОЩИ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ¹

Аннотация. В статье рассмотрены концептуальные и методологические трудности эмпирического измерения военного потенциала государств в мировой политике. Современная теория международных отношений и политическая наука, как правило, трактуют понятие «военная сила» как *диспозиционную* или *эпизодическую* характеристику. В первом случае рассматриваются ресурсы и потенциалы, доступные странам для осуществления силового принуждения (или отпора внешнему давлению). Во втором случае военная сила актуализируется исключительно в виде непосредственного применения в вооруженных конфликтах. В первой части статьи рассматриваются концептуальные достоинства и недостатки этих подходов, а также имеющиеся проблемы операционализации военной мощи. Как показано в статье, наибольшее внимание к изучению роли военной силы в мировой политике уделяется в рамках реалистского подхода в теории международных отношений, однако в силу методологических ограничений проблема оценки и ранжирования военных потенциалов стран в настоящее время остается нерешенной. Во второй части рассматривается опыт изучения индикаторов военной мощи государств в мировой политике. Основной вывод – существующие

* **Мальцев Артем Михайлович**, аспирант, преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: amalcev@hse.ru

¹ Статья подготовлена в рамках консорциума МГИМО МИД России и НИУ ВШЭ из средств гранта на реализацию программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

разработки по количественной оценке военных потенциалов все последние десятилетия оперируют исключительно прокси-переменными в виде объема оборонных расходов в постоянных долларах США и численности вооруженных сил. В заключительной части статьи рассматриваются перспективные индикаторы военной мощи как *диспозиционного* или *эпизодического* явления.

Ключевые слова: военная мощь; международное влияние; реализм; ранжирование потенциалов государств; военное строительство; оборонные расходы; вооружения и военная техника.

Для цитирования: Мальцев А.М. Аморфная «жесткая сила»? Подходы к реконцептуализации и эмпирическому измерению военной мощи в мировой политике // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 300–325. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.14>

Введение

Концептуальная и эмпирическая размытость понятия «мощь» во многом представляет собой «ахиллесову пята» классического и структурного реализма [Baldwin, 2016, p. 129], которая в свою очередь выступает предметом критики со стороны альтернативных подходов. Как констатируют Дэвид Болдуин и Стефано Гуззини, «мощь», «сила», «власть» в международных отношениях имеют комплексную природу. Ресурсы, инструменты, способы и характер властного воздействия, а также структурные основания мощи существуют в множестве различных измерений и таким образом трудно поддаются четкому определению. Важно отметить, что в реалистском подходе в теории международных отношений (ТМО) термины «мощь», «сила» или «власть» (power) в прикладных задачах (например, для оценки баланса сил [Baldwin, 2013, p. 280–281] или распределении полюсов в международной системе [Guzzini, 2013, p. 67]) трактуются в контексте *военной мощи* – «последнего довода» (ultima ratio) мировой политики¹. Сама военная сила в реалистских теориях международных отношений часто принимается за само собой разумеющееся понятие, не требующее

¹ Некоторые примеры такого рода: «Военная сила в международных отношениях служит не только последним аргументом (ultima ratio), но несомненно также первым и основным» [Waltz, 1979, p. 113]. «Я определяю мощь в военных терминах поскольку наступательный реализм подчеркивает военную силу как последний аргумент (ultima ratio) международной политики» [Mearsheimer, 2001, p. 55–56].

дополнительных уточнений. Процессы ее создания и формирования за относительно редкими исключениями [Posen, 1984] не рассматриваются детально в реалистской литературе [Farrell, 1998, p. 407–408].

В стремлении осмыслить парадоксальную сущность «мощи» теоретики обычно пытаются концептуально дезагрегировать это понятие до отдельных составляющих: жесткая и мягкая сила; диспозиционная или эпизодическая мощь, нормативная, структурная и интересубъективная «власть» и т.д. Хотя расширение возможных трактовок и интерпретаций понятия «мощь» позволяет уточнить его концептуальные границы и тем самым установить необходимые принципы, правила и условия измерения различных видов «мощи» в международных отношениях, эмпирическая проблема оценки явления «жесткой силы» так и остается окончательно нерешенной в ТМО. Как отмечает Брайан С. Шмидт в заключении своего критического обзора реалистских подходов к объяснению «мощи» в международных отношениях, «несмотря на все выявленные трудности концептуализации и измерения (мощи), фундаментальную реалистскую идею об основополагающей роли борьбы за власть в международной политике (многие критики) признают интуитивно верной» [Schmidt, 2005, p. 62]. При этом, хотя теоретики международных отношений обычно соглашались с тем, что военная сила (и соотношение ее потенциалов) является чрезвычайно важным фактором в мировой политике, концептуально-методический консенсус относительно ее эмпирического измерения в современной политической науке и ТМО отсутствует [Baldwin, 2013; Drezner, 2021].

Настоящая статья предлагает заново поставить теоретический вопрос о возможности (или невозможности) оценки военных потенциалов государств в международной системе. Какие концептуальные аспекты или трактовки военной мощи в принципе поддаются количественной оценке? Может ли жесткая сила быть сведена к операционному (измеримому) определению? В чем состоят достоинства и недостатки существующих индикаторов и индексов мощи и международного влияния?

Концептуализации мощи в теории международных отношений: неуклонный прогресс или безвыходный тупик?

Отправной точкой для концептуальных дискуссий (например: [Berenskoetter, Williams, 2007; Baldwin, 2013]) о понятиях «мощи», «влияния» и «власти» в политической науке и ТМО выступает «интуитивная идея власти», предложенная Робертом Далем в 1957 г.: «А имеет власть над Б настолько, насколько может заставить Б делать что-то, что Б в ином случае не стал бы делать» [Dahl, 1957, p. 202–203]. Простота и ясность такой трактовки сделали ее вероятно наиболее популярным определением мощи как в политологии, так и в ТМО. Важно отметить, что власть в этой традиции рассматривается как каузальное (причинностное) и асимметричное отношение, включающее актуальный конфликт между индивидами и коллективными акторами [Ледяев, 2001]. Наличие конфликта здесь всегда подразумевает наблюдаемое или потенциальное сопротивление объекта властных отношений, для преодоления которого субъект власти должен применить некоторый(е) инструмент(ы) давления. Применение или угроза применения санкций при этом позволяет отличить власть от отношений влияния в широком смысле [Lasswell, Kaplan, 1950, p. 76]. В целом подход Даля предлагает четкую терминологическую рамку, позволяющую осуществлять эмпирическое сравнение мощи двух и более акторов. Однако прямое применение такой операционализации наталкивается на ряд концептуально-методических ограничений. В первую очередь для измерения компонентов власти требуется уточнить предмет оценки, который может представлять собой либо *потенциальное* соотношение областей, инструментов и пределов могущества различных акторов (указывающее на вероятный результат властного принуждения), либо *актуальное* (реализованное) каузальное воздействие, при котором области, инструменты и пределы мощи непосредственно проявляются для наблюдения.

Тем не менее применение эпизодической трактовки для измерения мощи в международных отношениях, во-первых, серьезно затрудняет оценку баланса сил между *всеми* акторами междуна-

родной системы¹, во-вторых, приводит к систематической ошибке отбора² и, в-третьих, может иметь абсурдную интерпретацию³. Поэтому на практике наиболее популярные подходы к эмпирическому определению власти опираются на *диспозиционный подход*⁴, при котором объектом исследования выступают соотношения *потенциалов* мощи государств в определенных областях.

Промежуточным между эпизодической и диспозиционной трактовками может быть изучение конкретных потенциалов направленного (векторного) характера. В таком случае эмпирические индикаторы мощи будут рассматриваться как индикаторы вероятностного успеха в осуществлении силового принуждения в определенном контексте. Такую трактовку можно условно обозначить как *реляционную* [Baldwin, 2013; Baldwin, 2016].

Однако применение диспозиционного и реляционного подходов связано со вторым концептуально-методическим ограничением. В то время как материальные ресурсы, формирующие потенциальную основу *области* власти, могут быть измерены количественно, *актуализация* этих ресурсов в конкретные инструменты силового принуждения зачастую трудно поддается эмпирической оценке. Как отмечают ряд критиков, некоторые чрезвычайно ценные военные ресурсы, например ядерное оружие, на практике никогда не используются в качестве средства прямого насильственного принуждения, но зато выступают средством сдерживания и таким образом обеспечивают базовый уровень *сопротивления* внешнему властному воздействию, формируя *пределы* могущества конвенциональной военной силы вероятного противника [Baldwin, 2013, p. 280]. Проблему соотношения (а также гибкости и универсальности такого соотно-

¹ Возникает в связи с нетранзитивностью эпизодических оценок, а также сложностью соотнесения результатов властного принуждения с исходными предпочтениями акторов (подробнее см.: [Baldwin, 2013, p. 290; Beckley, 2018, p. 12]).

² Так, сравнительная редкость (или полное отсутствие) полномасштабных вооруженных конфликтов между великими державами затрудняет оценку соотношения потенциалов мощи между ними [Wohlforth, 2009, p. 43].

³ Например, если оценивать соотношение мощи между США и Северным Вьетнамом по результатам победы последнего во Вьетнамской войне [Mearsheimer, 2001, p. 60; Beckley, 2018, p. 13].

⁴ Данный подход также часто обозначается в ТМО выражениями «мощь-как-ресурсь» или «элементы-национальной мощи» (подробнее см.: [Baldwin, 2016; Beckley, 2018]).

шения) материальных ресурсов с конкретными средствами достижения политических целей (*power fungibility*¹) в международных исследованиях часто признают принципиально неразрешимой [Baldwin, 1999; Keohane, Nye, 1977; Guzzini, 1993]. Как отмечают исследователи концепций мощи в международных отношениях, этот парадокс во многом разделяет современную ТМО на «традиционные» подходы, приравнивающие властные потенциалы к контролю над материальными ресурсами как таковыми (и, соответственно, игнорирующие проблему их *конверсии* в результативное влияние), и «критические» подходы, предлагающие дистанцироваться от понятия власти или сместить фокус на альтернативные формы власти [Berenskoetter, Williams, 2007].

Хотя классические реалисты, в первую очередь Г. Моргентау, изначально исходят из скорее реляционного определения мощи², однако, переходя от анализа власти в индивидуальных отношениях на уровень национальных государств, они вынуждены отождествлять мощь с контролем над ресурсами. Моргентау выделял пять основных количественных элементов национального могущества: 1) географию страны; 2) природные ресурсы (включая продовольствие и сырье); 3) индустриальный потенциал; 4) боеготовность вооруженных сил (далее ВС); 5) численность населения [Morgenthau, 1948]. Их дополняют еще четыре качественных элемента: 1) «национальный характер»³, 2) «национальная мораль», 3) качество правительства и 4) качество национальной дипломатии [Morgenthau, 1948]. При этом важно подчеркнуть, что, по Моргентау, диспозиция элементов национальной мощи представляет собой лишь начальную точку для оценки мощи как таковой, которая, в свою очередь, всегда является относи-

¹ Термин «*power fungibility*» можно грубо перевести как «взаимозаменяемость власти», при этом на практике имеется в виду конверсия, трансформация ресурсов власти в прикладные инструменты решения задач.

² «Когда мы говорим о мощи, мы имеем в виду способность одного человека контролировать умы и действия других людей» [Morgenthau, 1948, p. 25].

³ Здесь Моргентау имел в виду политическую решимость, готовность и способность государственных лидеров проводить активную политику [Morgenthau, 1948, p. 96–99].

тельной, непостоянной и зависит от сложных комбинаций количественных и качественных факторов¹.

Структурные реалисты – в первую очередь, Кеннет Уолтц и Роберт Гилпин – обычно определяют мощь как потенциалы (capabilities) государств, причем в центре внимания оказываются не столько индивидуальные возможности государств, сколько распределение их потенциалов внутри международной системы в целом. Власть при этом рассматривается как *инструмент* (а не конечная цель) достижения безопасности, где ключевую роль играет соотношение мощи государств по отношению друг к другу. Хотя, с одной стороны, предлагаемый неореалистами подход ранжирования потенциалов для оценки полярности международной системы намекает на реляционный подход, на практике ни Уолтц, ни Гилпин не смогли предложить конкретную методiku такого ранжирования². В итоге структурный реализм «по умолчанию» связывает мощь с контролем над материальными ресурсами, обеспечивающими возможность силового принуждения [Smidt, 2005, p. 538]³. Как предполагал Уолтц, могущественные страны таким образом занимают такое положение в системе баланса сил, что «*вливают на другие страны в большей степени, нежели сами становятся объектами влияния*» [Waltz, 1979, p. 192].

Наступательный реализм Джона Миршаймера в наиболее явном виде принимает диспозиционный подход к концептуализации мощи, прямо утверждая, что она представляет из себя «*ни что иное, как набор конкретных активов или материальных ресурсов, доступных государству*» [Mearsheimer, 2001, p. 57]. В основе национального могущества лежит военная и «латентная» мощь, причем последняя представляет собой исключительно способность воспроизводить (и таким образом укреплять) военную силу государства. Военная мощь, в свою очередь, представляет собой «*наземные силы*» (land power), способные захватывать и удерживать

¹ Моргентау также прямо предупреждал об опасности отождествления мощи государств исключительно с военной силой, геополитическими факторами или особенностями нации как таковой [Morgenthau, 1948, p. 116–125].

² Кроме того, сама концепция потенциалов не детализируется Уолтцем, в то время как Гилпин указывает, что «*мощь включает в себя военные, экономические и технологические потенциалы государств*» [Gilpin, 1981, p. 13].

³ Болдуин вместе с тем предполагает, что Уолтц использовал в качестве критерия оценки мощи способность государств выигрывать войны [Baldwin, 2016, p. 133].

территорию, в то время как остальные составляющие ВС (военно-морской флот, стратегическая авиация, ядерное оружие и др.) дополняют и усиливают сухопутные войска [Mearsheimer, 2001, p. 86]. Соответственно, баланс сил в международных отношениях оценивается через сравнительную оценку численности и «боеспособности»¹ сухопутных армий стран мира [Mearsheimer, 2001, p. 83–137]. Несмотря на простоту и ясность предлагаемой Миршаймером концептуализации, контекстуальный характер военной мощи и в особенности ее качественные характеристики в этом подходе выносятся за скобки.

Концептуально-методическая проблема оценки баланса сил в мировой политике и, в частности, вопрос о трансформации биполярной, однополярной и многополярной международной системы в 1990-е годы, стала серьезным вызовом для ТМО как дисциплины в целом [Baldwin, 2013, p. 284]. Отсутствие четкого определения концепции «полюса» [Wagner, 2010] и, соответственно, ясной методики эмпирического измерения полярности серьезно затрудняет способность объяснять конкретную динамику распределения мощи в международной системе [Drezner, 2021, p. 4].

Ряд авторов, представляющих неоклассическое направление реалистской школы ТМО (в частности У. Уолфорт, С. Брукс, Р. Швеллер, Ф. Закария и др.), активно работали над решениями этой проблемы. Аналогично структурному реализму, за основу была взята идея изучения диспозиции материальных потенциалов мощи государств, измеряемых относительно суммарных оценок соответствующих показателей во всей международной системе. При этом они впервые предложили измерять соотношение этих потенциалов с опорой на кросс-страновую статистику [Schweller, 1998; Brooks, Wohlforth, 2015].

Еще одной важной особенностью подхода неоклассического реализма стала ориентация не только на материальные компоненты и индикаторы баланса сил в международной системе, но также и на способность государственных политических институтов мобилизовать соответствующие ресурсы для конкретного политического курса [Zakaria, 1999]. Кроме того, ряд авторов обращают внимание на значимость фактора международного статуса и восприятия на-

¹ Методику оценки этой комплексной характеристики Миршаймер не представляет.

циональной мощи конкретными лицами, принимающими решения [Wohlforth, 2009]. В неоклассическом реализме все эти факторы, во-первых, представляют собой особые потенциалы международного влияния и, во-вторых, формируют контекст, в котором материальные инструменты мощи актуализируются в непосредственные властные отношения. Нужно подчеркнуть, что для неоклассических реалистов власть сама по себе реализуется в конкретных отношениях международного влияния, т.е. имеет относительный характер, однако в связи со сложностью его операционализации при оценке баланса сил в международной системе приходится полагаться именно на измерение соотношений материальных потенциалов.

Таблица 1

Реалистские подходы к концептуализации мощи государств в ТМО¹

	Источник власти	Расположение структур власти	Измерение власти	Реализация власти
Классический реализм	Материальные ресурсы, а также политическая способность и готовность к их применению	Индивиды, государства и возникающие между ними отношения	Экспертиза на основе качественных и количественных характеристик, победы в войнах	Способность государств и индивидов навязывать свою волю
Структурный (оборонительный) неореализм	Материальные ресурсы, положение в международной системе потенциалов	Международная анархия, относительное распределение ресурсов и потенциалов государств	Потенциалы, формируемые различными ресурсами и характеристиками государства	Максимизация национальных интересов безопасности
Наступательный неореализм	Материальные ресурсы и способность конвертировать их в военную мощь	Международная анархия, относительное распределение ресурсов и потенциалов государств	Сухопутная военная сила и другие ресурсы, которые могут быть конвертированы в военную мощь	Максимизация национальных интересов безопасности
Неоклассический реализм	Материальные ресурсы и международный статус	Индивиды, структуры внутренней политики и международная анархия, относительное распределение ресурсов и потенциалов государств	Количественные индексы национальной мощи. Перцепции лиц, принимающих решения. Государственная состоятельность	Максимизация международного влияния

¹ Таблица составлена автором с опорой на подход, предложенный Брайаном Шмидтом [Schmidt, 2005, p. 528].

Интересно, что несмотря на существенную критику реалистских представлений о балансе сил, дилемме безопасности, международной анархии с точки зрения проблемы эмпирической валидации таких теорий, нелиберальная школа ТМО на практике оперирует схожими понятиями. Так, предложенная Р. Кохейном и Дж. Наем концепция «взаимозависимости» имеет очевидно реляционную трактовку [Keohane, Nye, 1977], в то время как концепция «мягкой силы» Ная, хотя изначально формулировалась как относительное явление, на практике в ходе прикладного измерения получает очевидно диспозиционную операционализацию [Nye, 2011]. Кроме того, Кохейн, Най и другие представители этой школы не отрицают актуальность «традиционных» инструментов мощи и влияния, например, военной силы [Berenskoetter, Williams, 2007, p. 9; Baldwin, 2016, p. 162–163], и продолжают использовать ее диспозиционные оценки в эмпирических исследованиях.

Военная сила: (не)преодолимые трудности операционализации?

Как уже отмечалось выше, военная сила традиционно рассматривается в качестве одного из основных, если не главного, компонента национальной мощи [Wagner, 2010]. Тем более поразительно, что после десятилетий эмпирических исследований вопрос концептуализации и непосредственного измерения военной мощи в существенной мере игнорируется в политической науке и ТМО. Реалистский подход в ТМО после Моргентау в середине XX в. и вплоть до расцвета неоклассической школы в последние два десятилетия в целом обходит стороной эту проблему (равно как и нелиберальная и конструктивистская школа.). В современной политической науке, при всей популярности беллицистских теорий развития государственных политических институтов (например, [Tilly, 2017]), задача непосредственной эмпирической оценки военного строительства также не рассматривается. Несмотря на широкий успех исследований «безопасности, войны и мира», вплоть до самых последних лет проблема измерения «жесткой силы» находилась на периферии научной программы этих субдисциплин.

Главной причиной такой лакуны, по всей видимости, является фундаментальная сложность исследовательской задачи измерения

военной мощи. Непредсказуемость процессов вооруженных столкновений крайне затрудняет моделирование и оценку возможных результатов потенциального применения военной мощи [Beyerchen, 1992]. Не менее нетривиальна и задача оценки материальных компонентов военного потенциалов – как нетрудно заметить, для её решения государства сегодня продолжают полагаться на специальные и разведывательные службы с солидными бюджетами. Потенциалы военной мощи комплексны и неоднородны [Миرونюк, Толочнев, Мальцев, 2018, с. 28] и в их состав входит не только материально-техническая база в виде вооружений и военной техники (ВиВТ), но также и разнообразная инфраструктура базирования, развертывания, логистики, материально-технического обеспечения. Существенную часть потенциалов ВС составляют качество и эффективность организационной структуры, институтов командования и управления, силы и средства связи, многие иные компоненты, далеко не последнее место среди которых занимают военно-гражданские отношения и в целом способность государства эффективно проводить военную политику¹. Практика изучения современных вооруженных конфликтов хорошо демонстрирует, что корректная оценка всех этих компонентов и элементов для успешного прогноза результата актуализации военного принуждения представляет собой беспрецедентно сложный вызов не только для представителей академического сообщества, но также и для самих военных, сотрудников специальных служб, государственных чиновников и политиков².

Не имея финансирования и специальных ресурсов разведывательных служб, исследователи-международники все последние десятилетия вынуждены полагаться на экономические индикаторы, косвенно отражающие потенциалы военной мощи, т.е. на прокси-переменные. Главным таким параметром традиционно выступают государственные расходы на оборону, рассчитываемые в долларах США по фиксированному курсу или по текущему курсу (обычно с учетом нормирования относительно общемировой суммы). Вторым

¹ Особо здесь следует подчеркнуть способность государства обеспечивать достижение политических целей военными средствами (т.е. через достижение военных целей).

² На этот факт особо акцентировал внимание Моргентау, полагавший, что способность правильной оценки соотношения потенциалов мощи в условиях реального конфликта представляет собой особое политическое искусство [Morgenthau, 1948, p. 109–112].

важным параметром также часто выступает численность личного состава ВС. Многие количественные исследования в качестве контрольной переменной национальной военной мощи включают также уровень ВВП на душу населения, опираясь на простой статистический факт, что богатые страны чаще выигрывают вооруженные конфликты [Baldwin, 2013, p. 280; Beckley, 2018].

Численность армии и военные расходы составляют военную компоненту Сводного индекса национального потенциала государств (Composite Index of National Capabilities, CINC). Разработанный Дэвидом Сингером в 1963 г. [Singer et al., 1972] в рамках проекта «Корреляты войны» (The Correlates of War), этот индекс является основным эмпирическим индикатором мощи и вплоть до сегодняшнего дня используется в большинстве современных количественных международных исследований по интересующей нас проблематике [Beckley, 2018, p. 10]. Помимо военной мощи, CINC также учитывает экономические и демографические показатели (общая численность населения, уровень урбанизации, производство железа и стали, а также потребление электроэнергии). За последние двадцать лет множество исследователей неоднократно указывало на то, что этот индекс дает крайне искаженную картину распределения военных потенциалов в мире, преувеличивая оценки для бедных, но демографически быстрорастущих стран [Beckley, 2018, p. 9]. В частности, в 1999–2016 гг. CINC ранжировал Китай как наиболее могущественную военную державу в мире [Souva, 2023, p. 1] в силу численности населения и ВС, Сингапур и Израиль – как одни из слабейших государств Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии (опять же в силу численности населения и ВС), в то время как Бразилия является безоговорочным гегемоном Южной Америки [Beckley, 2018, p. 41]. CINC также подвергается критике за смещения в результате трансформаций в международной системе [Kadera, Sorokin, 2004]. Серьезной концептуально-методологической проблемой CINC является вопрос сопоставимости (сравнимости) военных бюджетов, номинированных в долларах США, – с учетом того факта, что за исключением импорта ВиВТ, государственные оборонные расходы осуществляются в национальных денежных единицах и относительно мало зависят от колебаний валютного курса.

В последнее десятилетие ученые, использующие неоклассический реализм в ТМО, а также представители эмпирических ис-

следований международной безопасности активно работают над созданием альтернативных методик расчета мощи. Альтернативные индикаторы включают геометрически¹ скорректированный индекс CINC [Kadera, Sorokin, 2004], произведение ВВП и ВВП на душу населения [Beckley, 2018], избыточный валовый внутренний продукт [Anders, Farris, Markowitz, 2020]. Уолфорт и Брукс предложили дополнить оценку потенциалов военной мощи индикаторами оборонных расходов в области научно-исследовательских и конструкторских работ (НИОКР)², а также учли обладание рядом ключевых видов ВиВТ [Wohlforth, Brooks, 2015]. Наконец, в последние годы все больше внимания уделяется попыткам оценить материально-техническую компоненту военной мощи в виде ВиВТ [Saunders, Souva, 2020; Souva, 2023; Gannon, 2023].

Отечественные подходы к изучению распределения потенциалов военной мощи в мировой политике включают, в том числе, научно-исследовательский проект «Политический атлас современности» [Политический атлас..., 2007]. Целью этого масштабного исследования было изучить распределение потенциалов международного влияния³ в мировой политике. Компоненты одноименного индекса включали численность личного состава ВС, объем оборонных расходов, а также наличие ядерного оружия, истребительной авиации четвертого и (или) пятого поколения и постоянное размещение значительных контингентов военнослужащих⁴. В рамках более позднего исследования также была рассмотрена динамика и выполнен кластерный анализ количественных показателей ВиВТ по трем временным срезам [Миронюк, Толочнев, Мальцев, 2018]⁵. В последние годы индекс морской мощи (ИММ) государств предложили А.П. Поливач и П.А. Гудев [Поливач, Гудев,

¹ Geometric Indicator of National Capabilities (GINC).

² Следует отметить, что оценки по НИОКР избыточно пропущенными данными по ряду ключевых стран, включая России.

³ Определяется как «способность государств вызывать изменения в поведении других государств, оказывать воздействие на международную среду в своих интересах (безотносительно к последствиям)» [Политический атлас..., 2007, с. 110].

⁴ Аналогично исследованию Уолфорта и Брукса анализ итерации проводился на эмпирическом «срезе» данных за 1995 г. и 2005 г. Более поздние итерации проекта расширили дескриптивное исследование на 2015 г. [Ахременко, Миронюк, 2019; Мельвиль, Миронюк, 2020].

⁵ Аналогично, за 1995, 2005 и 2015 гг.

2021; Поливач, Гудев, 2022; Поливач, Гудев, 2023]. Различные количественные индикаторы военной мощи, включая оборонные расходы, скорректированные по ППС, а также международные военные развертывания и результаты участия в вооруженных конфликтах и миротворческих операциях, также рассматривает Д.А. Дегтерев в исследовании расстановки сил на международной арене [Дегтерев, 2020]¹.

Тем не менее все перечисленные научные работы, как западные, так и отечественные, пока представляют собой осторожные эксперименты в области тестирования новых эмпирических и методических подходов к оценке потенциалов государств военной мощи. Самое главное, в академической литературе недостаточно проработана проблема взаимосвязи между концептуализацией понятия «военная сила» и её прикладными определениями².

Концептуальное многообразие возможных определений понятия «военная сила»

Опираясь на представленный выше анализ теоретических подходов к трактовке понятия мощи в международных отношениях, представляется разумным предложить несколько альтернативных трактовок к определению понятия «военная мощь» (см. табл. 2). В первую очередь необходимо отметить, что в большинстве современных эмпирических исследований национальной мощи в целом и военной мощи в частности вводится разграничение между понятием «сила» и «мощь», с одной стороны, и их «потенциалами» – с другой. Военная мощь в таком случае определяется как контроль над материальными ресурсами, которые могут быть использованы для осуществления насильственного принуждения в мировой политике.

Диспозиционный подход к определению военной мощи наиболее перспективен с точки зрения кросс-страновой количест-

¹ Впрочем, следует отметить, что в методологическом отношении подход Д.А. Дегтерева представляет собой скорее глубокую экспертизу с опорой на статистические данные.

² Современные эмпирические исследования в этой области как правило используют *ad hoc* определения (см, например: [Миронюк, Толокнев, Мальцев, 2018, с. 28; Gannon, 2023, p. 2]).

венной оценки. Помимо традиционных индикаторов в виде численности 1) личного состава и 2) оборонных расходов, отдельный интерес представляют также оценки 3) материально-технической базы (ВиВТ), а также 4) потенциал оборонно-промышленного комплекса (ОПК).

Изучение военной мощи с опорой на динамику оборонных расходов требует учитывать уже упомянутое смещение оценок в связи с пересчетом соответствующей статистики в доллары США. Ряд исследователей предлагает решать эту проблему с помощью опоры на скорректированные оценки военных расходов с учетом паритета покупательной способности [Дегтерев, 2020, с. 89; Robertson, 2022]. Однако такой подход не учитывает то, что многие государства могут тратить значительную часть своего оборонного бюджета на импортные закупки ВиВТ, осуществляемые, как правило, в долларах США. Соответственно, для получения наиболее точных оценок необходимо, во-первых, оценить долю расходов оборонного бюджета на материально-техническую базу, а также оценить долю импорта в совокупных закупках вооружений за рубежом.

Ряд современных открытых источников, в частности, справочники-ежегодники Military Balance Международного института стратегических исследований (Великобритания) и база данных Стокгольмского международного института исследований проблем мира (Stockholm International Peace Research Institute, SIPRI / СИПРИ) Arms Transfers Database, дают детализированную информацию об оснащении вооруженных сил государств мира, а также о трансферах ВиВТ между ними. Основной проблемой остается вопрос агрегирования – наличие вооружений. Решением этой проблемы может выступать использования единицы измерения «Trend Indicator Value», разработанной сотрудниками СИПРИ в 1990-е годы для оценки объемов международной торговли вооружениями¹. Пересчет дезагрегированной статистики количества отдельных ВиВТ в существующих базах данных позволит получить сводный показатель оснащения вооруженных сил (см., например, [Gannon, 2023]). Подчеркнем, что обоснование такой методики требует отдельного разведочного исследования.

¹ Данная единица измерения оценивает себестоимость вооружений по категориям с учетом сравнимости тактико-технических характеристик конкретных видов ВиВТ по категориям (подробнее см. [Holtom, Bromley, Simmel, 2012]).

Таблица 2

Подходы к концептуализации военной мощи в мировой политике

Подход	Теоретические истоки обоснования	Достоинства подхода	Недостатки подхода
Военная мощь как обладание военными ресурсами (диспозиционная трактовка, 1-й лик власти)	Наступательный / неоклассический реализм	Относительная простота эмпирического измерения (при наличии источников).	Наличие ресурсов не гарантирует их успешное применение для достижения конкретных политических или военных целей. Игнорирование контекстуального характера потенциалов военной мощи. Не все ресурсы могут быть количественно или качественно измерены.
Военная мощь как способность осуществлять насильственное принуждение в международной политике (реляционная трактовка, 1-й лик власти)	Классический реализм	Потенциально учитывает целеполагание и конкретные сценарии применения военной мощи, с учетом контекста.	Неясно, как в полной мере оценить и агрегировать контекст применения военной мощи. Проблема агрегирования парных или многосторонних оценок (военных балансов).
Военная мощь как <i>потенциал</i> сдерживания (1-й и 2-й лики власти)	Оборонительный неореализм	Потенциально учитывает стратегические силы сдерживания (ядерные и конвенциональные).	Неясно, как отделить компоненты (средства) сдерживания от (средств) принуждения. Неясно, как оценить конвенциональный потенциал сдерживания. Игнорирует реальную способность государств осуществлять силовое принуждение. Неясно, как учесть психологическую компоненту (восприятия).
Военная мощь как контроль над / формирование международных институтов безопасности	Оборонительный неореализм, неолиберализм	Потенциально учитывает институциональные аспекты военной мощи, а также потенциалы влияния государств в структурах формального и фактического оборонного сотрудничества.	Неясно, каким образом можно измерить влияние государств в международных институтах безопасности и сетях фактического оборонного сотрудничества.
Военная мощь как международный статус и символические структуры господства (3-й лик власти)	Конструктивистский подход к ТМО, Неоклассический реализм.	Потенциально позволяет оценить роль военной мощи как источника международного статуса и символического насилия (принуждения).	Отсутствие очевидной методики операционализации. Неясно, как оценивать восприятия лиц, принимающих решения. Игнорирует реальную способность государств осуществлять силовое принуждение.

Существенный научный интерес в контексте мирового баланса потенциалов вооруженных сил представляют возможности ОПК государств. Распределение научно-технологических потенциалов традиционно считается одним из важных компонентом мощи государств¹. Развитая оборонная промышленность позволяет государству эффективно проводить военное строительство, модернизацию и переоснащения ВС, а также независимо осуществлять материально-техническое обслуживание и ремонт ВиВТ, налаживать снабжение ВС боеприпасами, комплектующими и т.п.

В настоящее время международные исследования не оперируют кросс-страновыми индексами или индикаторами развития ОПК. В связи с отсутствием достаточно подробной статистики по расходам государств в области оборонных НИОКР альтернативным индикатором может выступать положение государства в мировой сети трансферов оборонных технологий [Мальцев, 2020]. Производственный потенциал ОПК может быть также оценен в виде категориальных оценок уровня развития отдельных отраслей, а также с помощью прокси-переменных, оценивающих долю ВиВТ в составе ВС а) полностью национального производства; б) локализованного производства по иностранной лицензии; в) импортной поставки (источниками такой информации могут выступить базы данных Международного института стратегических исследований и СИПРИ). Важно отметить, что все перечисленные индикаторы обладают своими недостатками и ограничениями и должны использоваться с осторожностью.

Альтернативная трактовка определения военной мощи может опираться на *реляционный подход*. В таком случае военная сила будет рассматриваться как способность субъекта А обеспечить насильственное принуждение конкретного объекта Б, причем с учетом возможности последнего к сопротивлению. Эмпирическая оценка потенциала реляционного принуждения будет представлять собой диадную (парную) характеристику и учитывать как диспозиционное соотношение материальных потенциалов, так и иные факторы проецирования силы (включая расстояние, рельеф территории потенциального конфликта, уровень урбанизации и т.п.). Очевидно, что индикаторы реляционного соотношения сил в диаде не способны учесть ряд качественных и контекстуальных

¹ См., например: [Wohlforth, Brooks, 2015; Дергтерев, 2020].

атрибутов непосредственного применения военной силы, однако такой эмпирический анализ все равно может представлять некоторый интерес для фундаментальных научных исследований. В любом случае, агрегирование и операционализация этих переменных представляет собой отдельный исследовательский вызов.

С концептуальной точки зрения отдельно от контроля над военными ресурсами и относительной способностью осуществлять принуждение вопреки сопротивлению, следует выделить трактовку военной мощи как *потенциала сдерживания*. Изучение компонентов ядерного и неядерного (конвенционального) сдерживания представляет собой отдельное направление в международных исследованиях и исследований международной безопасности, в частности [Wirtz, 2018]. С эмпирической точки зрения в качестве индикаторов потенциала сдерживания выступают, в первую очередь, ядерное оружие и средства его доставки [Миронюк, Толочнев, Мальцев, 2018, с. 31], а также компоненты материально-технической базы ВС, используемые для создания «зон воспрещения доступа и ограничения маневра», в том числе баллистические и крылатые ракеты, зенитно-ракетные комплексы большой дальности и т.п. [Водзянский, 2023]. В качестве непосредственных источников данных здесь могут выступать как вышеупомянутые справочники Military Balance, так и регулярные доклады-обзоры журнала Bulletin of the Atomic Scientists о структуре стратегических сил сдерживания стран «ядерного клуба».

Еще одним «ликном» военной мощи в мировой политике может выступать его *институциональный* аспект, в частности, контроль над международными структурами безопасности. Такие аспекты потенциала военной мощи могут включать в себя как наличие формальных союзников, т.е. государств, с которыми заключены соглашения об обязательствах в области взаимной и (или) коллективной обороны, так и любое иное практическое взаимодействие в области международной безопасности. Последние исследования в этой области обращают внимание на нормативно-правовую и фактическую базу такого оборонного сотрудничества [Союзники России..., 2019; Kinne, 2020]. Ряд современных авторов рассматривают расстановку государств в военно-политических блоках как часть международного баланса сил в мировой политике [Дегтерев, 2020, с. 40]. Существенные перспективы также имеет изучение структуры развертывания государствами

военных баз за рубежом [Allen, 2022: этот параметр отражает непосредственную склонность стран применять ВС для достижения внешнеполитических целей, а также является косвенным индикатором способности стран успешно проецировать военную мощь.

Наконец, все больше внимания в международных исследованиях достаиваются *символические* и структурные аспекты военной мощи как способности формировать, конструировать стратегические нарративы «слабости» или «силы» [Farrell, 2005; Miskimmon et al, 2013]. Очевидно, что такие символические структуры военной мощи формируются не столько вооруженными силами как таковыми, но и публичной коммуникацией и риторикой. В то же время материальные ресурсы военной мощи (например, специфические виды тяжелых вооружений, такие как авианосцы, ядерное и гиперзвуковое оружие и др. [Миرونюк, Толокнев, Мальцев, 2018, с. 33; Стефанович, 2020, с. 55]) могут играть роль атрибутов или символов (высокого) международного статуса. Способность государств производить специфический статус «великих военных держав» несомненно может считаться еще одним подходом к концептуализации военной мощи. Однако эмпирическое измерение этих аспектов пока не имеет очевидного решения с точки зрения количественной оценки восприятия статусов военной мощи в кросс-страновом измерении. Прикладное измерение военной мощи как специфического компонента международного статуса [Горельский, Миرونюк, 2019] в настоящее время представляет собой перспективное направление исследований.

Заключение

Несмотря на многообразие подходов и трактовок понятия мощи в мировой политике, военная сила (военная мощь) остается принципиально важным компонентом этого концептуально сложного и насыщенного явления. Как и с иными компонентами мощи и влияния, ее операционализация и эмпирические измерения создают массу исследовательских проблем. В настоящей статье с опорой на теоретические подходы к объяснению и интерпретации явления мощи в международных отношениях предложены пять различных способов определения военной мощи с акцентом на возможности ее количественной оценки. Наиболее перспективным

с точки зрения дескриптивных исследований представляется **диспозиционный** подход – сбор и агрегирование статистических данных из новых источников, их разведочный анализ вызывает наибольший интерес с точки зрения распределения потенциалов военной мощи. **Реляционная** трактовка, а также определение военной силы как потенциала **сдерживания** в свою очередь интересен для прикладных количественных исследований в рамках диадного дизайна [Poast, 2016], где соотношение соответствующих потенциалов может выступать зависимой переменной или предиктором различных отношений сотрудничества и соперничества государств. **Институциональный** и **статусный** подход к концептуализации военной силы, несомненно, представляют собой недостаточно изученные «лики» военной мощи. Однако дальнейшие разработки в этой области требуют внедрения надежных методик оценки восприятий военной мощи в мировой политике.

Следует отметить, что разработка альтернативных индексов военной силы также остается актуальной научной проблемой. Во-первых, развитие качества оценки потенциалов военной мощи вполне актуально в контексте изучения трансформации международной системы между различными моделями полярности. Так, в частности, современные теории динамики баланса сил, формирования и распада оборонных альянсов предполагают, что распределение силовых потенциалов является главной детерминантой этих процессов [Истомин, 2018], однако из-за вышеупомянутых сложностей эмпирического измерения непосредственное моделирование этих процессов остается нерешенной проблемой [Wohlforth, 2003]. Во-вторых, индикаторы военной мощи как предикторы используются в качестве контрольных и объясняющих переменных в большинстве современных исследований, опирающихся на кросс-страновые исследования в области теории демократического мира [Dafoe, Oneal, Russett, 2013; Rauch, 2017], гонок вооружений [Rider, 2009], баланса региональной безопасности [Allen, 2018] и т.п. Внедрение альтернативных количественных индексов или индикаторов военной силы может стать существенным подспорьем для исследований в этих направлениях. В-третьих, дескриптивное изучение потенциалов военной мощи само по себе является актуальной исследовательской задачей. Сейчас мало внимания уделяется вопросам институциональных факторов в структуре военно-силовых потенциалов, возможностей и пределов конверсии

экономических и иных потенциалов в силовые, а также взаимосвязям между институциональными характеристиками государств и особенностями развития национальных вооруженных сил.

Наконец, концептуальное многообразие «ликов» военной мощи и методологические трудности её оценки по всей видимости исключают применение единого индикатора или даже индекса. Одних лишь новых источников данных или изощренных методов агрегирования или снижения размерности скорее всего будет недостаточно для преодоления ограничений, создаваемых традиционными индикаторами военной мощи. Но в то же время более обстоятельная эмпирическая проработка различных «ликов» военной мощи, а также поиск способов ее измерения может продвинуть наши представления относительно роли, которую играет «последний довод» в мировой политике.

A.M. Maltsev *

Amorphous “hard power”? Approaches to the reconceptualization and empirical measurement of military power in international relations¹

Abstract. The article focuses on the conceptual and methodological difficulties of empirical assessment of the states' military capabilities. Contemporary IR theory and political science mostly interpret military power as a dispositional or episodic characteristic. The first approach comprises the estimation of resources and material capabilities available to a state to violently coerce (or resist coercion) in international politics. The second approach suggests that military power only actualizes itself through direct usage in armed conflicts. The article provides a detailed examination of the conceptual and empirical advantages and limitations of both approaches. As the literature review demonstrates, while realist IR literature piques a lot of attention to the distribution of military power in the international system, it struggles to resolve methodological difficulties of empirical assessment and, therefore, actual ranking of military capabilities of states. The second part of the article explores empirical attempts to measure military power in IR. The author concludes that existing solutions are limited to proxy indicators such as defense expenditures and military personnel numbers. The final part of the article suggests promising indicators of military power as a dispositional or episodic phenomenon.

* **Maltsev Artem**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: amalcev@hse.ru

¹ The article was prepared within the consortium of MGIMO University and HSE University and funded by the grant for the implementation of the Priority 2030 Strategic Academic Leadership Program.

Keywords: military power; international influence; realism; ranking of state capabilities; defense economics; defense spending; weapons and military equipment

For citation: Maltsev A.M. Amorphous “hard power”? Approaches to the reconceptualization and empirical measurement of military power in international relations. *Political science* (RU). 2024, N 2, P. 300–325. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.14>

References

- Akhremenko A.S., Mironyuk M.G. The world ten years later: dynamics of the potentials of international influence of states. *Social sciences and contemporary world*. 2019, N 1, P. 39–59. DOI: <http://doi.org/10.31857/S086904990003941-7> (In Russ.)
- Allen M.A. The influence of regional power distributions on interdependence. *Journal of conflict resolution*. 2018, Vol. 62, N 5, P. 1072–1099. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022002716669809>
- Allen M.A., Flynn M. E., Martinez M.C. US global military deployments, 1950–2020 // *Conflict Management and Peace Science*. 2022. Vol. 62. №. 5. P. 351-370. DOI: <https://doi.org/10.1177/07388942211030885>
- Anders T., Fariss C.J., Markowitz J.N. Bread before guns or butter: introducing Surplus Domestic Product (SDP). *International studies quarterly*. 2020, Vol. 64, N 2, P. 392–405. DOI: <https://doi.org/10.1093/isq/sqaa013>
- Baldwin D.A. Force, fungibility, and influence. *Security studies*. 1999, Vol. 8, N 4, P. 173–183. DOI: <https://doi.org/10.1080/09636419908429389>
- Baldwin D.A. Power and international relations. In: Risse T., Carlsnaes W., Simmons B.A. (eds). *Handbook of international relations*. Los Angeles: Sage, 2013, P. 273–297.
- Baldwin D.A. *Power and international relations: a conceptual approach*. Princeton, NJ; Oxford: Princeton university press, 2016, 240 p.
- Beckley M. The power of nations: measuring what matters. *International Security*. 2018, Vol. 43, N 2, P. 7–44. DOI: https://doi.org/10.1162/isec_a_00328
- Berenskoetter F., Williams M.J. Thinking about power. In: Berenskoetter F., Williams M. J. (eds). *Power in world politics*. London: Routledge, 2007, P. 11–32.
- Beyerchen A. Clausewitz, nonlinearity, and the unpredictability of war. *International security*. 1992, Vol. 17, N 3, P. 59–90. DOI: <https://doi.org/10.2307/2539130>
- Brooks S.G., Wohlforth W.C. The rise and fall of the great powers in the twenty-first century: China's rise and the fate of America's global position. *International security*. 2015, Vol. 40, N 3, P. 7–53. DOI: https://doi.org/10.1162/ISEC_a_00225
- Dafoe A., Oneal J. R., Russett B. The democratic peace: weighing the evidence and cautious inference. *International studies quarterly*. 2013, Vol. 57, N 1, P. 201–214. DOI: <https://doi.org/10.1111/isqu.12055>
- Dahl R.A. The concept of power. *Behavioral science*. 1957, Vol. 2, N 3, P. 201–215. DOI: <https://doi.org/10.1002/bs.3830020303>
- Degtarev D.A. Assessing the current balance of power in the international arena and the formation of a multipolar world. Moscow: Rusayns, 2020, 214 p. (In Russ.)

- Drezner D. Power and international relations: a temporal view. *European journal of international relations*. 2021, Vol. 27, N 1, P. 29–52. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354066120969800>
- Farrell T. Culture and military power. *Review of international studies*. 1998, Vol. 24, N 3, P. 407–416. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0260210598004070>
- Farrell T. World culture and military power. *Security studies*. 2005, Vol. 14, N 3, P. 448–488. DOI: <https://doi.org/10.1080/09636410500323187>
- Fomin I., Silaev N., Makarycheva A., Stolyarova S., Shavlaya E. Russia's allies' formal obligations vs. effective cooperation. *International trends*. 2019, Vol. 17, N 2, P. 101–130. DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.2.57.6> (In Russ.)
- Gannon J.A. Planes, trains, and armored mobiles: introducing a Dataset of the Global Distribution of Military Capabilities. *International studies quarterly*. 2023, Vol. 67, N 4, sqad081. DOI: <https://doi.org/10.1093/isq/squad081>
- Gilpin R. *War and change in world politics*. Cambridge: Cambridge university press, 1981, 272 p.
- Gorelskiy I.E., Mironyuk M.G. Climbing up the status ladder: An experiment in empirical research of relation between status of a state in the system of international relations and state capacity. *Political science*. 2019, N 3, P. 140–174. DOI: <http://doi.org/10.31249/poln/2019.03.06> (In Russ.)
- Guzzini S. From (Alleged) Unipolarity to the decline of multilateralism?: a power-theoretical critique. In: Guzzini S. (ed.). *Power, realism and constructivism*. London: Routledge, 2013, P. 61–76.
- Guzzini S. Structural power: the limits of neorealist power analysis. *International organization*. 1993, Vol. 47, N 3, P. 443–478. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818300028022>
- Holtom P., Bromley M., Simmel V. Measuring International Arms Transfers. SIPRI. 2012. Mode of access: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/FS/SIPRIFS1212.pdf> (accessed: 23.12.2023).
- Istomin I.A. Western theory of international military alliances. *International trends*. 2017, Vol. 15, N 4, P. 93–114. DOI: <http://doi.org/10.17994/IT.2017.15.4.51.6> (In Russ.)
- Kadera K., Sorokin G. Measuring national power. *International interactions*. 2004, Vol. 30, N 3, P. 211–230. DOI: <https://doi.org/10.1080/03050620490492097>
- Keohane R., Nye J. *Power and interdependence*. Boston: Little, Brown, and Company, 1977, 300 p.
- Kinne B. J. The Defense Cooperation Agreement Dataset (DCAD). *Journal of conflict resolution*. 2020, Vol. 64, N 4, P. 729–755. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022002719857796>
- Lasswell H.D., Kaplan A. *Power and society: a framework for political inquiry*. New Haven: Yale university press, 1950, 328 p.
- Ledyayev V.G. *Power: a conceptual analysis*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2001, 384 p. (In Russ.)
- Maltsev A. Network dynamics of technology diffusion in international arms transfers. *International trends*. 2020, Vol. 18, N 4, P. 36–61. DOI: <http://doi.org/10.17994/IT.2020.18.4.63.5> (In Russ.)
- Mearsheimer J.J. *The tragedy of great power politics*. New York: Norton, 2001, 578 p.

- Melville A.Yu., Polunin Yu.A., Ilyin M.V., Mironyuk M.G., Timofeev I.N., Meleshkina E.Yu., Vaslavskiy Y. *Political atlas of the modern world: an experiment in multidimensional statistical analysis of the political systems of modern world*. Moscow: MGIMO University Publ., 2007, 272 p. (In Russ.)
- Melville A.Yu., Mironyuk M.G. "Political atlas of the modern world" revisited. *Polis. Political studies*. 2020, N 6, P. 41–61. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.04> (In Russ.)
- Mironyuk M., Toloknev K., Maltsev A. Not so obsolete military power in world politics to wage war, to avoid war and (or) to gain recognition. *International trends*. 2018, Vol. 16, N 2, P. 26–48. DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.2.53.2> (In Russ.)
- Miskimmon A., O'Loughlin B., Roselle L. *Strategic narratives: communication power and the new world order*. New York: Routledge, 2013, 240 p.
- Morgenthau H.J. *Politics among nations: the struggle for power and peace*. New York: A.A. Knopf, 1948, 489 p.
- Nye J.S. Power and foreign policy. *Journal of political power*. 2011, Vol. 4, N 1, P. 9–24. DOI: <https://doi.org/10.1080/2158379X.2011.555960>
- Poast P. Dyads are dead, long live dyads! The limits of dyadic designs in international relations research. *International studies quarterly*. 2016, Vol. 60, N 2, P. 369–374. DOI: <https://doi.org/10.1093/isq/sqw004>
- Polivach A.P., Gudev P.A. *The IMEMO sea powers' rankings 2021*. Moscow: IMEMO, 2021, 178 p. DOI: <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0592-5> (In Russ. and Eng.)
- Polivach A.P., Gudev P.A. *The IMEMO sea powers' rankings 2022 (2.0)*. Moscow: IMEMO, 2022, 190 p. DOI: <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0609-0> (In Russ. and Eng.)
- Polivach A.P., Gudev P.A. *The IMEMO sea powers' rankings 2023 (2.0)*. Moscow: IMEMO, 2023, 198 p. DOI: <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0619-9> (In Russ. and Eng.)
- Posen B. *The sources of military doctrine: France, Britain, and Germany between the world wars*. New York: Cornell university press, 1984, 281 p.
- Rauch C. Challenging the power consensus: GDP, CINC, and power transition theory. *Security Studies*. 2017, Vol. 26, N 4, P. 642–664. DOI: <https://doi.org/10.1080/09636412.2017.1336389>
- Rider T. J. Understanding arms race onset: Rivalry, threat, and territorial competition. *The journal of politics*. 2009, Vol. 71, N 2, P. 693–703. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0022381609090549>
- Robertson P.E. The real military balance: international comparisons of defense spending. *Review of income and wealth*. 2022, Vol. 68, N 3, P. 797–818. DOI: <https://doi.org/10.1111/roiw.12536>
- Saunders R.J., Souva M. Command of the skies: an air power dataset. *Conflict management and peace science*. 2020, Vol. 37, N 6, P. 735–755. DOI: <https://doi.org/10.1177/0738894219863348>
- Schmidt B.C. Competing realist conceptions of power. *Millennium*. 2005, Vol. 33, N 3, P. 523–549. DOI: <https://doi.org/10.1177/03058298050330031401>

- Schweller R.L. *Deadly imbalances: tripolarity and Hitler's strategy of world conquest*. New York: Columbia university press, 1998, 267 p.
- Singer J.D., Bremer S.A., Stuckey J. Capability distribution, uncertainty, and major power war, 1820–1965. In: Russett B.M. (ed.). *Peace, war, and numbers*. Beverly Hills, Calif: Sage Publ., 1972, P. 19–48.
- Souva M. Material military power: A country-year measure of military power, 1865–2019. *Journal of peace research*. 2023, Vol. 60, N 6, P. 1002–1009. DOI: <https://doi.org/10.1177/00223433221112970>
- Stefanovich D. Russian hypersonics: what, when and why? *New defense order. Strategies*. 2020, Vol. 61, N 2, P. 52–55. (In Russ.)
- Tilly C. Coercion, capital, and European states, AD 990–1990. In: Castañeda E., Schneider C. (eds). *Collective violence, contentious politics, and social change*. New York: Routledge. 2017, P. 140–154.
- Vodziansky S.I. Multi-sphere battle as a result of the evolution of joint actions of various types of US armed forces in the 20th–21st centuries. *Military thought*. 2023, N 8, P. 125–133. (In Russ.)
- Wagner R.H. *War and the state: The theory of international politics*. Ann Arbor: University of Michigan press, 2010, 272 p.
- Waltz K.N. *Theory of international politics*. London: Addison-Wesley, 1979, 251 p.
- Wohlforth W.C. Measuring power—and the power of theories. In: Vasquez J.A., Elman C. (eds). *Realism and the balancing of power: A new debate*. Upper Saddle River (NJ): Prentice Hall, 2003, P. 250–265.
- Wirtz J.J. How does nuclear deterrence differ from conventional deterrence? *Strategic Studies Quarterly*. 2018. Vol. 12. N. 4. P. 58–75.
- Wohlforth W.C. Unipolarity, status competition, and great power war. *World politics*. 2009, Vol. 61, N 1, P. 28–57. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0043887109000021>
- Zakaria F. *From wealth to power: the unusual origins of America's world role*. Princeton, NJ: Princeton university press, 1999, 216 p.

Литература на русском языке

- Ахременко А.С., Миронюк М.Г. Динамика потенциалов международного влияния государств (по материалам проекта «Политический атлас современности») // Общественные науки и современность. – 2019. – № 1. – С. 39–59. – DOI: <http://doi.org/10.31857/S086904990003941-7>
- Водзянский С.И. Многосферное сражение как результат эволюции совместных действий различных видов вооруженных сил США в XX—XXI веках // Военная мысль. – 2023. – № 8. – С. 125–133.
- Горельский И.Е., Миронюк М.Г. Взбираясь по «статусной лестнице»: опыт эмпирического исследования связи статуса государства в системе международных отношений и государственной состоятельности // Политическая наука. – 2019. – № 3. – С. 140–174. – DOI: <http://doi.org/10.31249/poln/2019.03.06>
- Дестерев Д.А. Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира. – М.: Русайнс, 2020. – 214 с.

- Истомин И.А.* Современная западная теория военно-политических альянсов: достижения и лакуны // *Международные процессы.* – 2017. – Т. 15, № 4. – С. 93–114. – DOI: <http://doi.org/10.17994/IT.2017.15.4.51.6>
- Ледяев В.Г.* Власть: концептуальный анализ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 384 с.
- Мальцев А.М.* Сетевая динамика «диффузии технологий» в системе международных трансферов вооружений // *Международные процессы.* – 2020. – Т. 18, № 4. – С. 36–61. – DOI: <http://doi.org/10.17994/IT.2020.18.4.63.5>
- Мельвиль А.Ю., Миронюк М.Г.* «Политический атлас современности» revisited // *Полис. Политические исследования.* – 2020. – № 6. – С. 41–61. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.04>
- Миронюк М., Толокнев К., Мальцев А.* Военная мощь в мировой политике // *Международные процессы.* – 2018. – Т. 16, № 2. – С. 26–48. – DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.2.53.2>
- Поливач А.П., Гудев П.А.* Морские державы 2021: индекс ИМЭМО РАН. – М.: ИМЭМО РАН, 2021. – 178 с. – DOI: <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0592-5>
- Поливач А.П., Гудев П.А.* Морские державы 2022: индексы ИМЭМО РАН (2.0). – М.: ИМЭМО РАН, 2022. – 190 с. – DOI: <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0609-0>
- Поливач А.П., Гудев П.А.* Морские державы 2023: индексы ИМЭМО РАН (2.0). – М.: ИМЭМО РАН, 2023. – 198 с. – DOI: <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0619-9>
- Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / *А.Ю. Мельвиль, М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешикина, М.Г. Миронюк, Ю.А. Полунин, И.Н. Тимофеев, Я.И. Ваславский.* – М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2007. – 272 с.
- Союзники России: формальные обязательства и фактическое сотрудничество / *И.В. Фомин, Н.Ю. Силаев, А.В. Макарычева, С.А. Столярова, Э.П. Шавлай* // *Международные процессы.* – 2019. – Т. 17, № 2. – С. 101–130. – DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.2.57.6>
- Стефанович Д.* Русский гиперзвук: что, когда и почему? // *Новый оборонный заказ. Стратегии.* – 2020. – № 2. – С. 52–55.